

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.

E-ISSN: 2413-7340

2019, 6(1): 9-17

DOI: 10.13187/zngup.2019.1.9

<http://ejournal22.com>

Criminal Law and Criminological Aspects of Religious Tolerance in Russia

Dmitry A. Kirillov ^{a,*}, Oksana V. Pavlenko ^a

^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The Russian law, which orients society to mutual understanding, patience, and respect in matters of freedom of conscience and freedom of religion, contains latent criminogenic prerequisites. So, patience in matters of faith involves a certain psychological discomfort of the men of faith in relation to the men of a different faith. Patience of the person in relation to the object and simultaneous respect by the person of the same object is logically incompatible. It should be noted that in accordance with the criminological point of view, the religious tolerance contains most stable prerequisites for the lawful behavior of men of the faith in relation to the men of a different faith. Its basic principles in general are respect for different faith, acceptance and correct understanding of the diversity of religions and forms of manifestation of religiosity. Patience is contrary to the content of religious tolerance. For a long time, Russia's official attitude to religious tolerance was not reflected in official documents. Therefore, it was quite difficult to expect, for example, the replacement of religious patience ideas with ideas of religious tolerance. However, on December 12, 2018, Russia supported the resolution on religious tolerance, adopted by the UN General Assembly. This suggests that now the potential of religious tolerance can be integrated into the system of principles of the Russian religious landscape. Obviously, a fragment about patience in matters of freedom of conscience and freedom of religion should be excluded from the law. However, criminal law restrictions should be taken into account here, in particular, article 148 of the Criminal Code. Today, it is the patience in matters of faith that is of great importance to many men of faith. In such a situation, the quick exclusion of the term "patience" from the text of the law may lead to an insult to their religious feelings. Therefore, the authors of this article propose such a wording of the law, in which the values of faith patience are indicated as the important ones, but temporary, and the values of religious tolerance – as strategic ones.

Keywords: criminology and criminal law, resolution on religious tolerance, patience in matters of faith, religious tolerance, legislative replacement of patience for tolerance, insulting the feelings of faith's persons, religious landscape.

1. Введение

В декабре 2018 года Россия поддержала Резолюцию ООН о религиозной толерантности (далее – «Резолюция ООН») ([Enlightenment and religious tolerance, 2018](#)). Однако ее принципы не в полной мере тождественны целям России в религиозной сфере. Ими заявлены взаимное понимание, терпимость и уважения в вопросах веры. Данное обстоятельство представляет интерес как для уголовно-правовой науки, так и для криминологии, поскольку религиозная толерантность, тактически сопрягаясь

* Corresponding author

E-mail addresses: kdakda@yandex.ru (D.A. Kirillov), oksi-pavlenko@yandex.ru (O.V. Pavlenko)

с возможностью оскорбления религиозных чувств части верующих, стратегически имеет серьезный антикриминогенный потенциал.

2. Материалы и методы

В настоящей работе были использованы научные труды таких исследователей как А.П. Данилов, В.М. Золотухин, А.В. Карпушкин, С.И. Кириллов, В.Д. Ларичев, О.Н. Мигущенко, Н.В. Потапова, Д.Н. Сергеев, И.А. Стернин. С точки зрения уголовно-правового и криминологического подходов проведен анализ соотношения принципов религиозной толерантности и элементов государственного целеполагания в религиозной сфере. Используются результаты ранее обнародованных исследований религиозной толерантности. По отдельным вопросам соотношения терпимости и толерантности в вопросах веры в 2018-2019 годах проведены пилотажные опросы более 70 лиц, назвавшихся представителями различных религий и конфессий, из семи стран Европы, Азии и Африки, а также 8 регионов России, в том числе 48 студентов российских вузов, шесть священников. К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение, аналогия, опрос.

3. Обсуждение

Из систематического толкования двух групп положений Конституции РФ, в частности, о приоритете прав и свобод человека и о религии, явствует, что Конституция ориентирует общество на толерантность в вопросах веры. В связи с этим, выглядит совершенно логичным, что Россией поддержана Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Просвещение и религиозная толерантность».

Между тем, в «тематическом» Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (далее – ФЗ «О свободе совести») о религиозной толерантности как о цели построения или принципе устройства религиозного пространства страны ничего не говорится. В преамбуле данного закона указано лишь о важности для государства «... содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания».

Использование в приведенном законоположении термина «терпимость» представляется не просто неудачным, но и противоречащим Конституции РФ (Kirillov, Sechenova, 2019: 82-83). Однако до принятия «Резолюции ООН» в официальных российских документах о религиозной толерантности как о базе для построения религиозного пространства страны прямо говорить было не принято. Потому термин «терпимость», если и вызывал исследовательские вопросы, то лишь в аспекте некоторой своей некорректности, но никак не ущербности или пагубности.

Поддержка же «Резолюции ООН» означает официальное признание Россией религиозной толерантности. В связи с этим, возник и актуальный для сферы межрелигиозных отношений и общества в целом запрос на анализ соотношения понятия «терпимость» из ФЗ «О свободе совести» и базового для «Резолюции ООН» понятия «религиозная толерантность». Объяснение того обстоятельства, почему данный анализ особо актуален для наук уголовно-правового цикла, будет приведено ниже.

Видится логичным предварить анализ несколькими замечаниями.

Религиозность человека базируется на признании им существования сверхъестественной субстанции как первоосновы мироздания. В раннем возрасте подобная субстанция присутствует в картине мира практически всех детей – в лице Аяз-аты, Санта-Клауса, Соок-Таадака и других аналогичных персонажей. По мере взросления удельный вес сторонников наличия сверхъестественного, очевидно, уменьшается, хотя и остается значительным.

Следует также отметить существование трудно исчислимого количества религиозных подходов к осмыслению действительности, которые именуются верованиями. Каждое из верований характеризуется оригинальным символом веры, то есть, совокупностью сущностей, субстанций и догматов, которые, безусловно, принимаются последователями верования как сакральная данность. Наряду с огромным многообразием религиозных подходов, религиозному пространству свойственна такая характеристика как исключаящая

догматические компромиссы «монополия на истину, которая у каждой религии своя» (Karpushkin, 2008: 92). Названные обстоятельства объективно предопределяют представления «типичного» верующего о религиозной адекватности только «своего» символа веры и неадекватности всех прочих, а также религиозной ущербности их последователей – иноверующих. Данный факт, являясь имманентно присущим религиозной сфере свойством, детерминирован объективно, самой природой религиозности.

Криминологически охарактеризованные представления интересны в той мере, в которой детерминируют поведение верующих по отношению к иноверующим. Диапазон вариантов такого поведения широк. У первой из его границ по воображаемой шкале можно расположить полное отсутствие агрессии по отношению к иноверующим. У второй же границы диапазона располагается физическая агрессия – религиозные войны, целенаправленные экстремистские действия, другие подобные деяния. Очевидно, криминология и уголовное право как науки призваны обеспечить воспроизводство поведения, характерного для окрестностей первой из названных границ, то есть, правомерного поведения верующих по отношению к иноверующим.

В свою очередь, мотивы такого правомерного поведения могут быть самыми разными. В их числе, например, и страх перед последствиями, и вынужденность компромисса, и состояние правовой (в том числе, крайней) необходимости, и, наконец искреннее понимание верующим примата ценности самого по себе человека над любыми другими производными смыслообразованиями, в том числе, перед религиозной принадлежностью и т.п.

Из всех мотивационных предпосылок неагрессивного поведения наибольшим антикриминогенным потенциалом обладают, говоря условно, «субъектно-самодостаточные», то есть предпосылки, основанные на направленности личности (системе ценностей индивида). Таковые, например, имеют место, когда личностные свойства индивида закономерно исключают преступное поведение, в том числе, в ситуациях существенного снижения интенсивности внешнего контроля и смежных (Kirillov, 1998: 51). Иные же мотивы неагрессивного поведения (страх, компромисс, ситуационная необходимость и т.п.) действуют лишь при наличии «сдерживающих» факторов внешней среды (Kirillov, 1998: 207).

Особой оговорки требует также и то обстоятельство, что рядом видовых особенностей религиозной преступности предопределена необходимость существенной коррекции «общекриминологического» подхода к предупредительной деятельности в религиозной сфере. Так, по мнению О.Н. Мигущенко, в сфере противодействия религиозной преступности «... в конечном счете успех определяется на общесоциальном уровне предупредительной деятельности» (Migushenko, 2015: 55). То есть особые свойства социально-психологических процессов религиозной сферы предопределяют необходимость «переноса» предупредительного акцента со специального криминологического уровня на общесоциальный. При этом отмечаем, что общесоциальное предупреждение преступности «в целом» к предмету криминологии большинством исследователей относить не принято (Laritsev, 2011: 133).

Исходя же из приведенной выше характеристики мотивов неагрессивного поведения верующего в отношении иноверующих, основной акцент предупредительного воздействия должен быть сделан на формировании в личности как можно большего количества верующих устойчивых «субъектно-самодостаточных» предпосылок неагрессивного поведения в отношении иноверующих. Это задача общесоциального предупреждения. Специальное же криминологическое предупреждение здесь может оказаться неэффективным (Migushenko, 2015: 55).

На базе вышеприведенных предварительных замечаний полагаем возможным перейти к сравнению предупредительного потенциала терпимости в вопросах веры и религиозной толерантности.

В «Резолюции ООН» дефиниция, либо иное четкое раскрытие религиозной толерантности, очевидно, отсутствуют. Потому для формулирования соответствующего понятия мы сочли корректным принять за основу подход, содержащийся в пункте 1.1 Декларации принципов толерантности от 16.11.1995 года (далее – «Декларация»), согласно которому «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание

богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности» ([Declaration of Principles of Tolerance, 1995](#)).

Как можно видеть, в понятие толерантности, базирующейся на уважении, принятии и правильном понимании всего «непохожего», такой признак как терпимость не включается. В тексте «Резолюции ООН» указание на терпимость – как на синоним или на элемент религиозной толерантности – также отсутствует. Уже только этого, по нашему мнению, с формальной точки зрения достаточно, чтобы выразить принципиальное несогласие с авторами, допускающими не только отождествление ([Danilov, 2015: 27](#)), но и логическое пересечение ([Sternin, 2014](#)) понятий «терпимость» и «толерантность».

Акцентируя же внимание на содержательной некорректности включения в конструкцию толерантности термина «терпимость» ([Sternin, 2014](#)), отметим, что терпимость подразумевает присутствие в личности «претерпевающего субъекта» некоего элемента несвободы, своего рода, психологического самонасилия, субъектного «самозаставления», дискомфорта, и, в конце концов, латентной враждебности по отношению к находящемуся в поле зрения объекту. Охарактеризованные психологические феномены, не будучи имманентно присущими системе «субъектно-самодостаточных» предпосылок непроступного поведения или производными от нее, при определенных характеристиках внешней среды, как было показано выше, могут трансформироваться в агрессивное поведение. То есть, как, в частности, полагает В.М. Золотухин, терпимость не исключает неприязни лица к представителям иной группы по мотиву их членства в таковой. При этом, лицо, претерпевающее определенный дискомфорт, нередко считает недопустимой лишь открытую агрессию к носителям «инаковости» ([Zolotukhin, 2003: 99-100](#)). Поэтому повторим, что отказ от включения терпимости в конструкцию толерантности считаем настоятельно необходимым.

Толерантность – характеристика мироотношенческой сферы человека, находящего в состоянии психологического комфорта по отношению к представителям иных выделяемых по самым различным признакам групп. Она в целом исключает неприязнь этого лица к представителям иной группы по мотиву их членства в данной группе, и, как следствие, у толерантного лица исключена агрессия, основанная на такой мотивации. Такие свойства толерантности как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия особенностей и качеств других людей, а также их общностей, будучи интегрированными в ценностно-нормативную систему индивида (направленность личности), как раз и способны предопределять создание системы «субъектно-самодостаточных» (относительно независимых от ситуационных свойств внешней среды) предпосылок неагрессивного поведения по отношению к носителям «инаковости» и их общностям.

Основываясь на приведенной характеристике толерантности в целом и учитывая содержание «Резолюции ООН», полагаем возможным говорить о религиозной толерантности в объективном и субъективном смыслах.

В субъективном смысле религиозную толерантность можно определить как устойчивую системную мироотношенческую характеристику верующего лица, в основу которой полагается уважение к чужим религиозным убеждениям и их носителям, а также принятие и правильное понимание многообразия религиозных подходов и форм проявлений религиозности. В объективном же смысле религиозную толерантность можно определить как системное свойство религиозного пространства, состоящее в последовательном ориентировании верующих на уважение чужих религиозных убеждений и их носителей, а также на принятие и правильное понимание верующими многообразия религиозных подходов и форм проявлений религиозности.

При этом, по нашему мнению, гораздо более значимым, чем в общем случае, источником формирования мировоззрения именно верующего лица является система норм и правил его «микросреды». Таковой выступает религиозная общность, авторитет которой для верующего, говоря условно, значимей авторитета «обычной» микросреды для «обычного» человека. В связи с таким «повышенным значением детерминизма в религиозной сфере» во многих случаях можно говорить о, своего рода, прямой производности субъективной религиозной толерантности от объективной.

По степени интенсивности (глубине) выделяют два вида (уровня) религиозной толерантности. На низшем (негативном) уровне предполагается «безразличие к религиозно-конфессиональным взглядам ... других, в результате чего обеспечивается отсутствие вражды и столкновений ...» (*Religioznaya tolerantnost', a*). Очевидно, даже данный низший уровень, в отличие от терпимости, исключает психологическое напряжение по отношению к иноверию и его последователям. Высший же (позитивный) уровень религиозной толерантности характеризуется знанием, пониманием и уважением иноверующих, а также их религиозных убеждений (*Religioznaya tolerantnost', a*), которые не только не имеют ничего принципиально общего с терпимостью, но и вносят важный вклад в формирование «субъектно-самодостаточных» предпосылок неагрессивного поведения по отношению к иноверующим. Полагаем, что данные два вида толерантности, определяемые по степени ее интенсивности, относимы к религиозной толерантности как в объективном, так и в субъективном смысле.

Таким образом, в целом интеграция в религиозное пространство начал толерантности весьма значима с криминологической точки зрения. Между тем, в правовой действительности России препятствием к такой интеграции является фрагмент преамбулы ФЗ «О свободе совести», где, в частности, признается важность содействия «достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания». И вот почему.

При сравнении приведенного фрагмента с «нашими» дефинициями религиозной толерантности можно заметить их и сходство, и различия. Сходство состоит в том, что и определения толерантности, и фрагмент преамбулы включают такие термины как «понимание» и «уважение» верующими чужих религиозных убеждений и их последователей. Более того, в преамбуле говорится о взаимном понимании.

Различие формулировок состоит во включении в текст ФЗ «О свободе совести», наряду с пониманием и уважением как атрибутами «религиозной толерантности», еще и терпимости. При этом, терпимость логически не сопрягается в анализируемом контексте с ни с пониманием, ни с уважением.

Потому представляется очевидным тезис о том, что включение в преамбулу ФЗ «О свободе совести» конструкции «считая важным содействовать достижению ... терпимости ... в вопросах ... свободы вероисповедания» объективно ориентирует часть верующих лиц на ценность именно терпимости как главного принципа, который должен полагаться в основу отношенческой позиции верующего к иноверующим и иноверию. Тем самым, данный фрагмент преамбулы играет роль криминогенного фактора, в силу чего текст закона требует коррекции.

Учитывая исторически-традиционную для российской действительности коннотацию веротерпимости (*Potapova, 2010: 27-28*), можно говорить о крайне низком потенциале законодательного ориентирования общества на такие «противоположные» терпимости ценности религиозной толерантности как понимание иноверия и уважение к нему. Потому значительной частью адептов различных вероучений ни религиозная толерантность в целом, ни понимание и уважение по отношению к иноверию, в качестве базовых принципов построения религиозного пространства не воспринимаются. В качестве действенного принципа воспринимается лишь терпимость в вопросах веры или, если использовать альтернативную терминологию, веротерпимость.

Акцент на значимость именно терпимости в вопросах веры можно проследить на электронных ресурсах организаций крупнейших религиозных сообществ России. Так, на одном из сайтов, посвященных российскому «суннитскому» исламу, говорится, что «Веротерпимость и снисходительные отношения между представителями разных религий особенно актуальны для сегодняшней России в целях сохранения целостности государства и стабильности в обществе» (*Kul'tura tolerantnosti v islame, 2016*). На сайте одной из церквей российского канонического православия размещены утверждения о том, что внедрение в общество толерантности вместо терпимости преследует «... цель формирования в обществе безбожного сознания ... », что терпимость предполагает «... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах измениться к лучшему» (*Terpimost' i tolerantnost'*). На ресурсе, позиционирующемся как общехристианский, указывается, что религиозная толерантность

по отношению к иноверующим практически невозможна, поскольку «... предполагает ... признание равных с ними прав» ([Religioznaya tolerantnost', b](#)). Формально же приведенные суждения в полной мере согласуются с адресованным государством обществу нормативным посылом из преамбулы ФЗ «О свободе совести».

Повторим тезис о том, что «типичный» верующий считает адекватным только свой символ веры. Тогда существо «субъективной» терпимости в вопросах свободы совести может быть выражено формулой: «терпимость предполагает ... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах осознать адекватность «моего» и ущербность «своего» вероучений».

Хорошо это или плохо, но именно подобной мотивацией, основанной на значимости религиозной терпимости, сегодня характеризуется отношение многих верующих к иноверию. Для них терпимость является важным если не единственным фактором собственного межрелигиозного самоосознания, в том числе и в плане недопущения агрессивного поведения по отношению к иноверующим. Такое положение вещей, в частности, явилось следствием того, что терпимость к иноверию как один из столпов религиозной сферы российское государство «транслирует» обществу уже более 20 лет. Поэтому прямое исключение из текста закона термина «терпимость», как показали наши опросы, неизбежно затронуло бы религиозные чувства значительного числа верующих вплоть до оскорбления.

Из 73 опрошенных лиц, назвавшихся верующими, категорически против толерантности в качестве свойства религиозного пространства высказались 26 человек. При этом, 23 опрошенных определенно высказались в пользу терпимости в вопросах веры. Несмотря на то, что исследование было пилотажным, можно говорить о том, что терпимость в вопросах веры обладает высокой ценностно-рейтинговой значимостью в мироотношенческой картине значительного количества верующих.

Следует обратить внимание, что до недавнего времени сама идея о замене в российском религиозном пространстве веротерпимости на религиозную толерантность могла бы вызвать вопросы о наличии в такой идее признаков статьи 148 УК РФ. И хотя известны мнения исследователей о юридической неоднозначности состава, предусмотренного частями 1 и 2 данной статьи ([Sergeev, 2018: 129-130](#)), печальная практика применения соответствующих норм «на слуху», в том числе и в гораздо более «безобидных» ситуациях, чем критика веротерпимости, поддерживаемой законом и крупнейшими российскими сообществами верующих.

Между тем, после признания Россией «Резолюции ООН», вероятность того, что целью интеграции начал религиозной толерантности в Российскую действительность правоприменители могут признать оскорбление религиозных чувств верующих, представляется крайне незначительной. Но, при этом, нельзя упускать из вида, что чувства верующих идеями о толерантности, все-таки, могут быть уязвлены, даже несмотря на отсутствие в этой идее признаков пунктов 1 и 2 статьи 148 УК РФ.

В связи с этим, очевидно, что немедленное исключение из закона конструкции о терпимости в вопросах свободы вероисповедания с криминологической точки зрения чревато неблагоприятными последствиями. Поэтому оптимальной представляется такая коррекция фрагмента преамбулы, чтобы «терпимость» из текста не исключалась, но, при этом, адресаты закона ориентировались на ценности терпимости в вопросах веры лишь как на временные. Ценности же религиозной толерантности должны быть указаны как стратегические цели. Соответствующая редакция фрагмента преамбулы в сопоставлении с действующей приводится ниже.

Действующая редакция фрагмента: «считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания».

Предлагаемая редакция фрагмента: «считая важным поддерживать терпимость, а также всемерно содействовать переходу к принятию и правильному пониманию многообразия подходов, достижению взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания ...».

Предлагаемый текст указывает на поддержку государством терпимости в вопросах веры как актуального на сегодняшний день принципа построения религиозного

пространства. Также указывается на ценности религиозной толерантности в качестве стратегической цели правового регулирования. Это позволяет показать, что «терпимость» в вопросах веры является пусть и важным, но лишь временно-промежуточным состоянием в стратегии построения в России религиозного пространства на началах толерантности. Кроме того, предлагаемая редакция позволит в порядке общесоциального предупреждения и ранней профилактики создавать условия для формирования у верующих устойчивых «субъектно-самодостаточных» личностных предпосылок неагрессивного поведения по отношению к иноверующим и их общностям.

С уголовно-правовой точки зрения представляется уместным предусмотреть ряд мер ответственности за воспрепятствование установлению в религиозном пространстве России начал религиозной толерантности. Между тем, данная мера будет иметь смысл лишь в случае реальной заинтересованности государства в последовательном переводе национального религиозного пространства в состояние религиозно толерантного.

4. Результаты

Результатом проведенного авторами в рамках исследования анализа соотношения терпимости в вопросах веры и религиозной толерантности стал вывод о стратегической предпочтительности начал религиозной толерантности для построения религиозного пространства страны. При этом, немедленный отказ от терпимости в пользу толерантности в вопросах веры может вызвать нежелательную с криминологической и уголовно-правовой точек зрения реакцию со стороны тех верующих, для которых терпимость в вопросах веры была в последние годы основным или важным принципом религиозной самоидентификации. В связи с этим, авторами предложен постепенный переход к началам религиозной толерантности с обязательностью четкого обозначения факта поддержки и одобрения государством терпимости в вопросах веры как текущего блага для целей построения неагрессивного религиозного пространства. Предложена редакция изменения в закон.

5. Заключение

Таким образом, в Российской Федерации назрела необходимость последовательного отказа от начал веротерпимости в пользу религиозной толерантности. Данный комплекс мер явится важнейшим шагом к предупреждению религиозной преступности. Для перехода к режиму религиозной толерантности следует, прежде всего, исключить разного рода имитационные и притворные действия, особенно со стороны государства и наиболее многочисленных религиозных сообществ. В религиозной сфере подобная имитационность недопустима.

References

[Danilov, 2015](#) – *Danilov, A.P.* (2015). Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpmosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti) [Prestupnostivedcheskoe position of tolerance (criminological theory of tolerance)]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba*, № 4. pp. 27-31.

[Declaration of Principles of Tolerance, 1995](#) – Declaration of Principles on Tolerance. Resolution adopted by the UNESCO on 16 November 1995. [Elektronnyj resurs]. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (data obrashcheniya 11.06.2019).

[Enlightenment and religious tolerance, 2018](#) – Enlightenment and religious tolerance. Resolution adopted by the United Nation General Assembly on 12 December, 2018 [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/128 (data obrashcheniya 11.06.2019).

[Karpushkin, 2008](#) – *Karpushkin, A.V.* (2008). Konstitucionno-pravovye aspekty religioznoj tolerantnosti vo vzaimootnosheniyah gosudarstva s religioznymi ob"edineniyami [Constitutional and legal aspects of religious tolerance in relations between the state and religious associations]. *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*, № 4. pp. 91-95.

[Kirillov, 1998](#) – *Kirillov, S.I.* (1998). Lichnost' prestupnika: problemy tipologii [The personality of the criminal: problems of typology]. Kursk. 380 p.

Kirillov, Sechenova, 2019 – Kirillov, D.A., Sechenova, E.G. (2019). O rassoglasovannosti v regulirovanii re-ligioznoj tolerantnosti Konstituciej Rossii i nacional'nym zakonodatel'stvom o svobode sovesti [On the Mismatch in the Regulation of Religious Tolerance by the Russian Constitution and National Legislation on Freedom of Conscience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, T. 5. № 1. pp. 74-91.

Kul'tura tolerantnosti v islame, 2016 – Kul'tura tolerantnosti v islame [Culture of tolerance in Islam]. Islamskij informacionnyj portal «islam.ru». 22 iyulya, 2016. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43540> (data obrashcheniya 11.06.2019).

Laritsev, 2011 – Laritchev, V.D. (2011). Obshchesocial'noe preduprezhdenie prestupnosti. Chto ehto, vid kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupnosti ili prosto postupatel'noe razvitie obshchestva? (Postanovka voprosa) [General social crime prevention. What is this, a kind of criminological crime prevention or just the progressive development of society? (Statement of question)]. *Obshchestvo i pravo*, № 1. pp. 130-133.

Migushenko, 2015 – Migushchenko, O.N. (2015). Protivodejstvie religioznomu ehkstremitizmu: postanovka problem [Combating religious extremism: the problem]. *Yuridicheskij mir*, № 11. pp. 54-59.

Potapova, 2010 – Potapova, N.V. (2010). Veroinspovednoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii v nachale XX v.: "svoboda sovesti" i "veroterpimost" [Religious legislation of the Russian Empire in the early XX century : "freedom of conscience" and "religious tolerance"]. *Istoriya gosudarstva i prava*, № 10. pp. 25-32.

Religioznaya tolerantnost', a – Religioznaya tolerantnost'. Portal «Center-YF». [Religious tolerance. «Center-YF»]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/religioznaya-tolerantnost.php> (data obrashcheniya 11.06.2019).

Religioznaya tolerantnost', b – Religioznaya tolerantnost'. Portal «Christ Civilization». [Religious tolerance. «Christ Civilization»]. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://christ-civ.livejournal.com/4256.html> (data obrashcheniya 11.06.2019).

Sergeev, 2018 – Sergeev, D.N. (2018). Zakonotvorchestvo v sisteme ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Lawmaking in the system of criminal law regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, № 1. pp. 125-133.

Sternin, 2014 – Sternin, I.A. (2014). Tolerantnost' i terpimost' [Tolerance and Patience]. 18 oktyabrya. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> (data obrashcheniya 11.06.2019 g.).

Terpimost' i tolerantnost' – Terpimost' i tolerantnost'. Oficial'nyj sajt Nikol'skogo hrama p. Dobrinka Lipeckoj oblasti Lipeckoj eparhii RPC MP. [Patience and tolerance. The official site of St. Nicholas Church of p. Dobrinka Lipetsk region Lipetsk diocese ROC MP]. [Elektronnyj resurs]. URL: http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672

Zolotukhin, 2003 – Zolotukhin, V.M. (2003). Terpimost' i tolerantnost': skhodstvo i razlichie [Patience and Tolerance: Similarities and Differences]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, № 2. pp. 93-100.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты религиозной толерантности в России

Дмитрий Александрович Кириллов^a, Оксана Вячеславовна Павленко^a

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Российский закон, ориентирующий общество на взаимное понимание, терпимость, а также уважение в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, содержит латентные криминогенные предпосылки. Так, терпимость в вопросах веры предполагает определенный психологический дискомфорт верующего в отношении иноверующего. Терпимость человека по отношению к объекту и одновременное уважение этим человеком данного же объекта логически несочетаемы. Следует обратить внимание,

что с криминологической точки зрения наиболее устойчивые предпосылки правомерного поведения верующих в отношении иноверующих обеспечивает религиозная толерантность. Ее базовыми принципами в целом являются уважение к иноверию, принятие и правильное понимание многообразия вероучений и форм проявления религиозности. Веротерпимость противоречит содержанию религиозной толерантности. В официальных документах отношение России к религиозной толерантности долгое время отражения не находило. Поэтому ожидать, например, замены идей веротерпимости на идеи религиозной толерантности было достаточно трудно. 12 декабря 2018 года Россия поддержала резолюцию о религиозной толерантности, принятую Генеральной Ассамблей ООН. Это позволяет предположить, что теперь потенциал религиозной толерантности можно будет интегрировать в систему принципов российского религиозного пространства. Очевидно, следует исключить из закона фрагмент о терпимости в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Однако, здесь следует учитывать и уголовно-правовые ограничения, в частности, статью 148 Уголовного кодекса. Сегодня именно веротерпимость имеет большое значение для многих верующих. В такой ситуации скоропалительное исключение из текста закона термина «терпимость» может повлечь оскорбление их религиозных чувств. Поэтому авторами предлагается такая редакция закона, в которой ценности терпимости в вопросах веры указаны как важные, но временные, а ценности религиозной толерантности – как стратегические.

Ключевые слова: криминология и уголовное право, резолюция о религиозной толерантности, терпимость в вопросах веры, религиозная толерантность, законодательная замена терпимости на толерантность, оскорбление чувств верующих, религиозное пространство.